

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1982.3.09>

А. УИБО

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза был отмечен факт обострения идеологической борьбы в последние годы.¹ Этот процесс протекает во всех сферах духовной жизни, в том числе и в общественных науках. Буржуазные теоретики умело приспособливают свои концепции к требованиям современной науки, заменяя грубые и устаревшие формы «опровержения» марксизма новыми, более утонченными и завуалированными. Наибольшим влиянием в качестве теоретической альтернативы марксизма в настоящее время пользуется релятивизм, принципиальная критика которого была дана В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». С тех пор тенденции релятивизма в области общественных наук еще более усилились: появились культурный, этический, исторический релятивизмы, релятивизм в социологии знания и т. п. В целом релятивизм представляет собой одно из главных современных буржуазных идеологических течений², основная задача которого сводится к доказательству невозможности объективно-истинного познания, особенно социальных явлений, и тем самым к «опровержению» марксизма.

В данной статье рассмотрены метаморфозы исторического релятивизма — философской доктрины, провозглашающей непознаваемость человеческого прошлого. Необходимость такого анализа вытекает из двух обстоятельств: с одной стороны, трансформируется сам релятивизм, принимая все более скрытую форму. И если релятивизм К. Беккера и Ч. Бирда достаточно критиковали в марксистской литературе, то этого нельзя сказать о современных формах исторического релятивизма. С другой стороны, отдельные положения релятивистов проникают в марксистскую литературу по методологии истории. Например, А. И. Уваров утверждает: «...объективная истина в исторической науке имеет свой специфический вид — она неотделима от оценки и художественного восприятия»³. Увлечшись критикой буржуазной философии истории, болгарский автор Н. Ирибаджаков не замечает, как сам переходит на релятивистские позиции: «В отличие от физика, химика, психолога и т. д. историк не имеет возможности проводить эксперименты со своими объектами, *проверять и доказывать правильность своих утверждений* (курсив мой — А. У.)»⁴. Количество подоб-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

² Ребане Я. К. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм. — Уч. зап. Тарт. гос. ун-та, 1977, вып. 404, с. 50—61.

³ Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, с. 206. Влияние системы ценностей историка на результаты исторического познания подчеркивают и другие авторы (см.: Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках. Л., 1979, с. 257—258; Ельчанинов В. А. Проблемы творчества в историческом познании и искусстве. Томск, 1979, с. 35).

⁴ Ирибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории. (Пер. с болгарского). М., 1972, с. 211.

ных примеров можно было бы умножить. Речь идет об известном непонимании сущности исторического релятивизма, существующем в марксистской литературе по методологическим проблемам исторического познания. Поэтому задача критики исторического релятивизма представляется достаточно актуальной.

Появление исторического релятивизма связано с социальными факторами, прежде всего с коренным преобразованием мира в результате Великой Октябрьской революции, за которым последовал переход буржуазного самосознания на позиции принципиального антиисторизма.⁵ Однако не меньшую роль в генезисе исторического релятивизма сыграла несостоятельность теоретико-познавательных концепций, на которых базируется буржуазная философия и методология истории. Дальнейшее изложение посвящено выявлению гносеологических корней исторического релятивизма и его критике с позиций диалектико-материалистической теории активного отражения.

1.

В развитии исторического релятивизма можно выделить три этапа. Первый начался в двадцатые годы нынешнего столетия и связан с именами двух известных американских историков: Карла Беккера (1873—1945) и Чарльза Бирда (1876—1948). Непосредственной причиной их выступлений была критика позитивистского положения о том, что историк находит готовые исторические факты в исторических источниках.⁶ В адресе к Американской исторической ассоциации (1926) К. Беккер отвергает позитивистскую схему исторического познания и выделяет три вида исторических фактов: 1) событие прошлого; 2) сообщение, запись в историческом источнике и 3) реконструкцию прошлого события историком. Поскольку реальные исторические события состоят из бесконечного множества фактов, продолжает К. Беккер, о них может быть высказано неограниченное количество утверждений (при достаточном числе источников), каждое из которых будет истинным. Однако все факты описать невозможно, поэтому историк отбирает определенные утверждения о событиях прошлого и определенным образом связывает их, отвергая другие утверждения и другие способы связи. Сам отбор фактов определяется целью, которую историк ставит перед собой. Эта цель определяет и значение, которое он придает историческим событиям. Как утверждает К. Беккер, факты сами по себе не говорят ничего, не навязывают никакого значения; говорит и придает значение историк (здесь и в дальнейшем перевод мой — А. У.).⁷ В отличие от физика, который может повторять свои опыты сколько угодно и тем самым свести воздействие личных качеств к минимуму, историк не может элиминировать личное влияние на результаты исследования. Хорошо известно, что история любого события не может быть одинаковой для двух разных лиц и что каждое поколение переписыв-

⁵ См. об этом: Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный историзм. М., 1933, с. 151—152.

⁶ Позитивизм в историографии получил распространение в конце XIX в. и явился примитивным отражением «первого позитивизма». Для представителей этого направления (Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобос, Л. Альфан и др.) характерно сведение деятельности историка к работе с документами (т. е. историческими источниками). Предполагалось, что содержание и последовательность исторических повествований полностью определяется сохранившимися свидетельствами. Такую историографию Р. Коллингвуд справедливо называл историей, сделанной при помощи ножниц и клея. Главный недостаток позитивистской методологии истории заключается в полном непонимании роли теоретических предпосылок в историческом познании.

⁷ Becker, C. L. What are historical facts? — In: The Philosophy of History in Our Time. Garden City (N. Y.), 1959, с. 131.

вает историю заново. Почему? К. Беккер делает важный вывод о том, что наши представления о действительном событии всегда определяются двумя факторами: 1) самим действительным событием, насколько мы можем знать о нем; 2) нашими собственными намерениями, желаниями, предубеждениями и предрасположениями, которые входят в процесс его познания.⁸ Но если картина прошлого зависит не только от самого прошлого, но и от настоящего, влияния которого избежать нельзя, то каждый — сам себе историк, а прошлое представляет собой экран, на который мы проецируем свое видение будущего.

Таким образом, полемика против позитивизма привела К. Беккера к релятивизму. Справедливо опровергнув позитивистскую точку зрения, он, тем не менее, не смог понять истинной роли активности субъекта исторического познания. Как отмечает К. Страут, К. Беккер в скрытой форме возродил ту же ошибку созерцательной теории познания, против которой выступал, потому что для него сознание историка также оказалось в конечном счете пассивным зеркалом, но стражающим не «неизменные и неопровержимые факты», а доминирующие социальные влияния современности.⁹

Критика позитивизма была продолжена Ч. Бирдом. Следуя К. Беккеру, он выделяет 1) историю как реальность; 2) историю как запись (*record*) и 3) историю как мышление. Сочинения историков представляют собой отбор и упорядочение фактов по определенной схеме в сознании историка. Таким образом, решающее значение в реконструкции прошлого Ч. Бирд приписывает истории как мышлению, т. е. субъекту исторического познания. Согласно теории Ч. Бирда, кризис «нейтральной или научной истории» (имеется в виду позитивистская историография) был вызван недооценкой активной роли субъекта в историческом познании. В результате этого кризиса были опровергнуты обе предпосылки «нейтральной историографии»: историческая реальность идентична физическому миру и историк может столь же нейтрально относиться к человеческим действиям, как инженер к автомобилю.¹⁰ Выбор же историка между возможными концепциями природы исторической реальности, контролирующими отбор и организацию фактов, является актом веры и не может быть обоснован иначе.

Окончательную формулировку «первый» релятивизм получает в работе Ч. Бирда «Благородная мечта», опубликованной в 1935 г., где выдвигается десять аргументов против возможности объективного познания человеческого прошлого.¹¹ В сущности они сводятся к двум бесспорным положениям: что в истории отсутствует возможность непосредственного наблюдения и прошлое мы узнаем только через исторические источники и что историк не нейтральный наблюдатель, а активный субъект познания, организующий данные источников и действительно вносящий нечто свое в реконструкцию прошлого. А поскольку Ч. Бирд отождествляет объективность результатов познания именно с возможностью непосредственного пассивного наблюдения, то он и приходит к выводу, что ни одна историческая гипотеза не может рассматриваться как обоснованная и окончательная по той причине, что по самой природе вещей — документов и человеческого сознания — прошлое, как оно в действительности было, не может быть познано.¹²

⁸ Becker, C. L. What are historical facts?, с. 132.

⁹ Strout, C. The Pragmatic Revolt in American History. Carl Becker and Charles Beard. New Haven, 1959, с. 43—44.

¹⁰ Beard, Ch. A. Written history as an act of faith. — In: Philosophy of History in Our Time, с. 143.

¹¹ Beard, Ch. That noble dream. — In: The Varieties of History. N. Y., 1963, с. 323—325.

¹² Там же, с. 325.

Как мы видим, позиция К. Беккера и Ч. Бирда глубоко противоречива. С одной стороны, они признают независимое от историка существование прошлого¹³, с другой, отрицают возможность его объективного познания. Выступив против позитивистской интерпретации исторического познания, оба историка в конечном счете не смогли преодолеть барьер позитивистского критерия объективности знания как «непосредственно данного». Открыв для себя активность субъекта исторического познания, которая проявляется в отборе и организации данных исторических источников, К. Беккер и Ч. Бирд приняли ее за искажающий фактор и оказались вынужденными противопоставить историю естественным наукам, где, как они предполагали, достигается идеал объективности. Поэтому они пришли к выводу о невозможности подобной объективности в исторической науке. Действительно, если считать объективным только чувственно данное, то этот вывод правомерен. Однако критерий объективного как непосредственно чувственно данного не «работает» уже и в естественных науках, что известно со времен Коперника.

Таким образом, главной причиной возникновения исторического релятивизма была несовместимость теории познания созерцательного эмпиризма, которой придерживались К. Беккер и Ч. Бирд, с развитием самой исторической науки. Обнаружив, что историческое знание не только включает данные источников, но также зависит от теоретических предпосылок историка, К. Беккер и Ч. Бирд объявили историческое познание необъективным. С одной стороны, они абсолютизировали роль внеисточниковых факторов, с другой, приняли их за чисто субъективные, препятствующие достижению истины.

Итак, основной тезис «первого» релятивизма гласит, что ни одна история не может быть объективной. Однако из этого тезиса следует разрушительный вывод и для самой буржуазной историографии. Поэтому релятивизм К. Беккера и Ч. Бирда был подвергнут критике как их противниками, так и последователями.

2.

Второй этап в развитии исторического релятивизма начинается в пятидесятые годы и носит условное название «перспективизма». В 1951 г. появляется «Введение в философию истории» У. Уолша, где формулируются основные положения перспективизма. В отличие от своих предшественников, английский философ эксплицирует понятие объективности как для науки, так и для истории. Объективность в строгом смысле (в науке) означает, что знание таково, что с ним должен согласиться любой непредубежденный наблюдатель, когда ознакомится с доказательствами, независимо от обстоятельств и личных пристрастий.¹⁴ Такая объективность недостижима в истории, и мы не можем разрешить спор ссылок на независимые факты, ибо то, что считается фактом в одной исторической интерпретации, может не оказаться таковым в другой. Мышление любого историка обуславливается фундаментальной системой взглядов на человеческую природу. В свете этой системы историк и вынужден решать, что принимать как факт, и как понимать то, что он принял.¹⁵

Эта система взглядов на человеческую природу и образует то, что

¹³ Поэтому нельзя согласиться с характеристикой К. Беккера как субъективного идеалиста (см.: Скворцов Л. В. Историческое мировоззрение и современный идеализм. — Вопросы философии, 1973, № 10, с. 126—127).

¹⁴ Walsh, W. H. *Philosophy of History. An Introduction*. N. Y., 1960, с. 36.

¹⁵ Там же, с. 65.

У. Уолш называет «точкой зрения историка». Выделение философских предпосылок как определяющих отбор и организацию исторического материала и характеризует сущность перспективизма. Перспективизм признает существование несомненно различных точек зрения историков, но оспаривает вывод, что это полностью исключает объективное познание прошлого, утверждает, что объективность в истории должна пониматься в ослабленном смысле: можно сказать, что история объективна, если она точно описывает факты со своей собственной точки зрения, но нельзя никак иначе определить объективность истории.¹⁶ Согласно перспективизму каждая история — продукт двух факторов: субъективных элементов, вносимых историком (его точка зрения), и свидетельств, с которых он начинает и которые он обязан принять, нравятся они ему или нет. Вне всяких сомнений, наличие первого фактора препятствует даже наилучшему историку восстановить прошлое так, как оно было в действительности; но представляется абсурдным утверждать на этом основании, что вся реконструкция полностью ошибочна.¹⁷

Итак, каждую историю пишут исходя из своих собственных предпосылок, которые должны учитываться при ее оценке. Отсюда и следует *объективность особого рода* для истории: историческое сочинение объективно и истинно, насколько это вообще достижимо в истории, только если написано в соответствии с принятыми правилами. И еще одно следствие: нельзя сравнивать между собой по степени объективности исторические исследования, написанные с различных точек зрения. Иначе говоря, всякая история «объективна» (в особом смысле), однако не существует независимых фактов, обращение к которым могло бы определить, какая из различных интерпретаций более объективна. Поэтому не может быть абсолютно объективной истории, в том смысле как объективность понимается в естественно-научных теориях.

Ничего нового не добавляет к этим выводам Р. Аткинсон, чья книга продолжает линию У. Уолша в разработке проблемы объективности исторического познания. Опровергая доводы о необъективности истории, основанные на парадигме непосредственного наблюдения, Р. Аткинсон тем не менее воспроизводит основную догму релятивизма: нет никаких оснований для отдачи предпочтения одной из возможных точек зрения.¹⁸ История сама по себе объективна, но субъективны ее философские предпосылки, которые препятствуют достижению объективности в полном смысле, — такой вывод следует из рассуждений Р. Аткинсона. И тот факт, что книга Р. Аткинсона вышла в свет через 27 лет после первого издания монографии У. Уолша, лишний раз доказывает всю бесперспективность перспективизма для исторической науки.

Оценивая перспективизм в целом, следует отметить одно несомненное его достоинство: четкое выделение фактора, генерирующего различия исторических интерпретаций. Если К. Беккер, Ч. Бирд, М. Уайт и другие видели этот фактор в индивидуальных вкусах, ценностях, предубеждениях и т. п. отдельного историка, окончательно закрывая тем самым дорогу к объективному познанию прошлого, то перспективисты во главе с У. Уолшем выделяют в качестве такого фактора *точку зрения историка*, т. е. теоретическую концепцию. Действительно, историческое познание — это не простое воспроизведение данных исторических источников: оно опирается на определенные теоретические предпосылки. Однако это обстоятельство не указывает на

¹⁶ Walsh, W. H. *Philosophy of history*, с. 109.

¹⁷ Там же, с. 113.

¹⁸ Atkinson, R. F. *Knowledge and Explanation in History. An Introduction to the Philosophy of History*. Ithaca (N. Y.), 1978, с. 81.

специфическую природу исторической объективности, как думают перспективисты, а, напротив, доказывает общность познания прошлого с другими формами научного знания. Ибо зависимость результатов познания от используемых теоретических предпосылок характеризует любой вид научного знания и человеческого познания вообще.¹⁹

Таким образом, даже если перспективизм и стоит ближе к истине, чем «первый» релятивизм, он все же не отражает реального положения вещей. Начнем с того, что понятие объективности, вводимое У. Уолшем, достаточно произвольно. Фактически У. Уолш и другие перспективисты исходят из теории когерентности истины, по которой суждение истинно, если оно согласуется с другими суждениями, и напротив, ошибочно, если не согласуется с ними. По теории когерентности, суждения могут быть соотнесены только с другими суждениями. И если можно с определенными ограничениями признать применимость этой теории в формально-логических аксиоматических системах, то критерий когерентности никак нельзя положить в основу понятий истины и объективности, поскольку он характеризует саму систему знаний, но не имеет выхода в объективный мир.²⁰

Кроме того, утверждая, что все исторические реконструкции объективны в особом смысле и считая критерием этой объективности их когерентность, перспективисты фактически отказываются от сопоставления исторических знаний с исторической реальностью. По теории перспективизма, исторические реконструкции не могут быть сравнимы ни между собой, ни с независимыми историческими фактами, а это и означает, что историки должны отказаться от всех попыток познать прошлое как оно было в действительности. Ведь если историческая реконструкция не является отражением исторической реальности и не может быть с ней сопоставлена, то она превращается в отражение точки зрения историка. Таким образом, перспективизм в конечном счете воспроизводит выводы К. Беккера и Ч. Бирда, и суть дела не меняется от замены термина «субъективный» на «объективный в ослабленном смысле». Поэтому перспективизм остается вариантом исторического релятивизма.

3.

Третий этап в развитии исторического релятивизма начался в 70-е годы и характеризуется попытками снять запрет на сравнение исторических реконструкций между собой, сохранив в то же время положение об отсутствии объективных критериев в самой истории, с помощью которых можно было бы выбрать наиболее адекватную реконструкцию. С критикой перспективизма выступил, например, У. Дрей, в прошлом сам занимавший перспективистские позиции. Отмечая, что тезис об объективности всех историй препятствует познанию реального прошлого, У. Дрей предлагает исправленный вариант перспективизма, так называемый интерперспективизм, согласно которому объективность истории достижима в результате синтеза всех «перспектив». Как и У. Уолш, У. Дрей придерживается «возможности соглашения» как главного критерия объективности, однако усматривает необходимость согласия не в том, каково было реальное прошлое, а в том, как оно должно рассматриваться с различных точек зрения.²¹

Иначе говоря, У. Дрей утверждает, что, хотя ни одна из различающихся исторических интерпретаций не может быть объективной в

¹⁹ В общем виде это высказал уже И. Кант в «Критике чистого разума».

²⁰ Критику теории когерентности истины см.: Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977, с. 21—24.

²¹ Dray, W. Point of view in history. — *Clio*, 1978, т. 7, N 2, с. 281—282.

полном смысле, в своей совокупности они могли бы образовать объективную историю. Однако в данном случае остается открытой проблема, как выделить такое объективное историческое содержание в различных интерпретациях истории. Очевидно, что такой синтез может быть проведен только на основе целостной теоретической концепции о природе исторической реальности, а не путем механического выделения общей части в различных концепциях.

Таким образом, проблема вновь возвращается к степени объективности отдельных исторических реконструкций, которая, как мы видели, не может быть установлена исходя из критерия когерентности, и к необходимости выбрать одну теоретическую схему из всех возможных, чего также нельзя сделать из-за запрета сравнивать точку зрения историка с самой исторической реальностью. Поэтому интерперспективизм У. Дрея не избежал основных недостатков перспективизма.

Другую попытку исправления перспективизма предпринял Р. Хамфрейз. В структуре исторического познания он выделяет две подструктуры: априорную (модель) и апостериорную (данные источников). Первая априорна, поскольку заключается в применении к частной ситуации общей и предсуществующей модели изменения; вторая состоит в идентификации предмета изменения и является индуктивным обобщением, базирующимся на реальном содержании документов.²² Таким образом, значение придается историческим источникам при помощи *модели исторической реальности*. Как же строится эта модель?

Согласно теории Хамфрейза в основе модели реальности лежит та или иная *метафора*. Посредством метафоры порядок, первоначально выделенный в одной группе явлений, переносится на другую группу; вследствие этого метафора указывает структуру (систему категорий и постоянных отношений) этой другой части реальности. Метафора порождает модель реальности следующим образом. Во-первых, она обеспечивает некоторый элементарный образ — машины, живого организма, моря и т. п. Этот образ, в свою очередь, применяется к требующему объяснения определенным основным характеристикам человеческого поведения, и подсказывает набор языковых символов, который должен быть использован для описания этого поведения. Продолжая пользоваться языком, подсказанным метафорой, люди, естественно, стараются сделать его более точным и последовательным. Наконец, первоначально произвольный метафорический язык может быть превращен в систему строго определенных высказываний, связанных в общую объясняющую схему. Но чтобы получить полезную и применимую модель реальности, необязательно доходить до этой стадии.

Таким образом, Р. Хамфрейз считает, что модель реальности может быть определена как система правил, в конечном счете основанных на метафоре, достаточных для придания когерентности, упорядоченности и предсказуемости любой данной группе явлений, которую мы хотим описать. Наиболее важные для истории модели реальности — те, которые основаны на метафорах, включающих образы изменения — например, органического роста и упадка, цикла времен года, селективных движений.²³ И хотя предмет исторического исследования задается историческими источниками, он может быть охарактеризован различными способами. Эта характеристика изменения (упадок, распад, гибель) вводится моделью изменения, которая совершенно не зависит от изучаемых документов.

Соглашаясь с релятивистами в том, что нет никаких объективных

²² Humphreys, R. S. The historian, his documents, and the elementary modes of historical thought. — History and Theory, 1980, m. 19, N 1, c. 16.

²³ Там же, с. 16.

критериев для выбора между альтернативными моделями исторической реальности, Р. Хамфрейз в то же время пытается снять запрет на сравнение этих моделей между собой. Для этого он предлагает систему из семи вопросов, посредством которой любые модели реальности могут быть сопоставлены друг с другом. 1) Какая метафора лежит в основании модели? 2) Какой набор правил вытекает из модели и в какой форме они выражены? 3) Как получены эти правила из первоначальной метафоры — путем формальных рассуждений, по аналогии или посредством поэтической интуиции? 4) До какой степени отдельные правила объединены в общую структуру? (Например, образуют ли они строгую логико-дедуктивную систему или группу ассоциативно связанных высказываний?) 5) Каков ранг явлений, которые призвана объяснить модель? 6) В каких категориях сформулированы релевантные явления, и каковы критерии порядка этих категорий? 7) Какую степень упорядоченности и предсказуемости допускает модель?²⁴ Автор этого вопросника считает, что его применение позволит историку более сознательно и обоснованно выбирать подходящую модель реальности для интерпретации изучаемых документов, хотя, в конечном счете, выбор историка остается произвольным.

При оценке концепции Р. Хамфрейза бросается в глаза ее противоречивый характер. В самом деле, сравнение моделей исторической реальности имеет смысл только в том случае, если мы можем определить, какой набор признаков модели заслуживает предпочтения. Например, если известно, что метафора организма лучше метафоры машины, или что правила, выведенные логически, предпочтительнее полученных путем поэтической интуиции и т. д. Но в конечном счете необходим эталон, с которым могли бы быть сопоставлены *модели реальности*, в противном случае их сравнение бессмысленно. И этим эталоном может быть только сама историческая реальность. Но именно возможность сравнения точки зрения с самой исторической реальностью и отрицает релятивизм, принимая эту точку зрения за чисто субъективный феномен, ничего общего с исторической реальностью не имеющий. Таким образом, запрет сравнивать между собой модели реальности, используемые историками, — логическое следствие, вытекающее из релятивистского тезиса об отсутствии объективных критериев сравнения этих моделей с самой реальностью. Поэтому любые попытки снять этот запрет, сохранив в то же время основную догму релятивизма, заранее обречены на неудачу.

4.

Как показывает проведенный обзор, характерный признак всех форм исторического релятивизма — положение об отсутствии объективных критериев, на основе которых можно было бы определить объективность и истинность реконструкции исторического прошлого. Эта аксиома релятивизма — не что иное как следствие определенных философских предпосылок и, конечно, не может быть истинной. Фактически в основе исторического релятивизма лежит *парадигма непосредственного наблюдения* (хотя от нее и пытаются отмежеваться новейшие релятивисты).

Как известно, созерцательный эмпиризм рассматривает познание как пассивное отражение объекта воспринимающим субъектом. Субъект познания понимается как зеркало, статуя, машина и т. п.²⁵ Подход

²⁴ Humphreys, R. S. The historian, his documents, с. 19.

²⁵ Например, у Д. Дидро читаем: «Мы — инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая

к познанию как механическому отражению определяет и решение проблемы объективности познания: объективным считается знание, не искаженное деятельностью субъекта. Источник истинного знания — чувственный опыт; источник заблуждений — деятельность разума, соединяющего *простые идеи* в сложные, т. е. активность субъекта.

История философии и науки показали, что придание статуса объективности только данным чувственного познания приводит к неразрешимым противоречиям. Во-первых, при данном подходе оказалось невозможно объяснить генезис и содержание наиболее общих понятий и категорий; во-вторых, — объяснить историческое развитие научного знания. Наконец, принцип объективности только чувственно данного невозможно реализовать, так как тот факт, что источником ощущений является объективная реальность, ни из каких ощущений, наблюдений или индивидуального опыта не следует. Все эти трудности и привели к трансформации эмпиризма в агностицизм и субъективный идеализм.²⁶

Непригодность концепции *непосредственного опыта* для построения модели научного знания была окончательно доказана собственным развитием позитивизма, который, провозгласив своей задачей *очищение опыта* от метафизических искажений, вновь, как и эмпиризм XVIII в. натолкнулся на непреодолимое препятствие: невозможность обосновать общезначимый, объективный характер человеческого знания исходя из чувственного опыта субъекта. И сами неопозитивисты оказались вынуждены отказаться от поисков безусловно истинного эмпирического базиса науки, принципа чувственной верификации и идеи сведения всех научных предложений к данным опыта.²⁷ Тем самым потерпела крах и вся программа позитивизма.

Как мы видели, исторический релятивизм воспроизводит основные положения теории познания эмпиризма. Релятивисты считают объективными только данные непосредственного наблюдения, тогда как деятельность субъекта познания по отбору и организации данных исторических источников объявляется искажающим фактором. Схема их рассуждений примерно такова: хотя прошлое мы узнаем посредством исторических источников, содержание его реконструкции определяется не только ими. Существует компонент, непосредственно из исторических источников не вытекающий, но тем не менее влияющий на результаты исторического познания. Этим влиянием и объясняются разногласия среди историков разных времен, народов, классов и т. п. В качестве такого компонента выступает (в зависимости от формы релятивизма) индивидуальная система ценностей отдельного историка, *точка зрения, модель реальности* и т. п., иными словами — некоторая априорная концептуальная схема. Именно эта априорная схема определяет, что может считаться историческим фактом и как выделенные факты могут быть интерпретированы. В природе самой исторической реальности нет ничего, что позволило бы выбрать более объективную ее интерпретацию, и любая история субъективна (или объективна в ослабленном смысле).

Таким образом, основная гносеологическая ошибка исторического

нас природа и которые часто сами по себе ударяют; вот, по моему мнению, все, что происходит в фортепьяно, организованном подобно вам и мне.» Дидро Д. Избранные философские произведения. М., 1941, с. 149.

²⁶ Как отмечает М. А. Киссель, поскольку эмпиризм принимает всерьез за основу познания только данные опыта, т. е. ощущения, «...он отказывается от понятия объективной реальности и из теории познания превращается в теорию незнания, в агностицизм и скептицизм». Киссель М. А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX в.). М., 1974, с. 108.

²⁷ Козлова М. С. Философия и язык. (Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.). М., 1972, с. 138—142.

релятивизма состоит в том, что он рассматривает активность субъекта познания в качестве искажающего фактора (тем самым воспроизводя главный недостаток эмпиризма). После того, как раскрыта зависимость объективности исторического познания не только от исторических источников, но и от теоретических предпосылок, при помощи которых строится реконструкция, встает задача определить объективность самих этих предпосылок. Отрицая же возможность установления объективности теоретических предпосылок на том основании, что они не могут быть непосредственно усмотрены в исторических источниках, исторический релятивизм оказывается в субъективистской ловушке, выбраться из которой не помогут никакие его исправления. Сводя значение априорного компонента исторического познания к произвольной схеме, исторический релятивизм тем самым оказывается на позициях не только домарксистской, но и докантовской философии.²⁸

Таким образом, тот факт, что исторический релятивизм, несмотря на все его усовершенствования, не может придти к приемлемому решению проблемы объективности исторического познания, — следствие философских предпосылок, которых придерживаются его представители. Это еще раз показывает, что философским основанием такого решения может быть только марксизм.²⁹

5.

Общее решение проблемы объективности познания в марксистско-ленинской философии хорошо известно: человеческое познание объективно, поскольку неразрывно связано с практикой. Практика есть источник, цель и критерий всякого познания. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления».³⁰ Однако применение этого фундаментального положения к познанию прошлого сопряжено с известными трудностями. Поэтому возникает необходимость выявить в структуре исторического познания элементы, обеспечивающие его объективность.

Для анализа проблемы объективности исторической реконструкции автор данной работы использует *принцип социальной памяти*, разработанный Я. К. Ребане.³¹ Применение этого принципа позволяет, на наш взгляд, конкретизировать уровень рассмотрения проблемы, а также использовать для ее решения наряду с общепhilosophическими некоторые положения теории информации. В рамках данной статьи автор вынужден ограничиться кратким изложением позитивного аспекта проблемы объективности исторического познания, поэтому обоснова-

²⁸ Кант, конечно, не мог правильно решить проблему соотношения чувственных и априорных компонентов познания, но он, по крайней мере, понимал значение категориальных схем как всеобщих и необходимых условий всякого познания. И в этом его несомненное преимущество перед Декартом, Лейбницем и другими представителями традиционного рационализма, которые так и не смогли преодолеть идущую еще от Платона концепцию *врожденных идей*.

²⁹ С марксистских позиций данная проблема рассматривается в работах: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959; Могильницкий Б. Г. О природе исторического познания. Томск, 1978; Topolski, J. Methodology of History. Warszawa, 1976 и др.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 3, с. 1.

³¹ См.: Ребане Я. К. Принцип социальной памяти. — Философские науки, 1977, № 5; Ребане Я. К. Некоторые проблемы комплексного изучения социальной детерминации познания. — В кн.: Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979.

ние некоторых выводов читатель будет вынужден искать в других работах.³²

Согласно принципу социальной памяти следует разграничить два аспекта понятия информации. 1) Информация как структурная упорядоченность, как *мигрирующая структура*. 2) Информация как значение, придаваемое этой структуре при осмыслении ее человеком. Обозначим структурность объекта, взаимодействующего с другой системой, как информацию₁ (например, линии на срезе дерева), а значение и смысл, придаваемые информации человеком — как информацию₂ (например, понимание того факта, что эти линии — годовые кольца, позволяющие определить возраст дерева и характер климатических изменений). Тогда можно будет рассмотреть процесс реконструкции исторического прошлого как процесс превращения информации₁ в информацию₂.³³

Выделим два этапа исторической реконструкции. 1) Сбор и декодирование релевантной информации₁. 2) Синтез из полученных данных некоторого отображения исторической реальности, т. е. получение информации₂ о прошлом человечества. Объекты, используемые на первом этапе, носят название исторических источников. Как показывает анализ природы исторических источников, они не что иное, как объекты-носители информации о прошлом, и результатом первого этапа реконструкции выступает множество высказываний, описывающих структуру некоторого множества объектов, существующих здесь и теперь (например: надпись на этрусской вазе VII в. до н. э. гласит: «Пей, дабы ты не знал горя»). При этом используются технические средства познания, позволяющие увеличить количество декодируемой информации, методы источниковедческого исследования, данные лингвистики и т. д. Таким образом, первый этап исторической реконструкции в принципе ничем не отличается от процесса познания в других эмпирических науках.

На втором этапе реконструкции происходит синтез декодированной информации₁ с уже наличным знанием, т. е. данным исторических источников придается значение в соответствии с общими представлениями о структуре самой исторической реальности (тезаурусом), причем для данного исследования эти представления, действительно, выполняют функции априорной схемы, согласно которой отбирается и организуется эмпирический материал. Существует много названий для обозначения такого априорного компонента исторического познания: *точка зрения историка, модель исторической реальности, внеисточниковое знание* и т. д. На наш взгляд, целесообразно использовать в этих целях более строгое понятие *теоретической схемы*, применяемое в методологии естествознания.³⁴

Тогда в истории аналогичным образом можно было бы сформулировать понятие теоретической схемы, т. е. системы абстрактных объектов, характеризующих наиболее существенные черты изучаемой реальности — социальной системы. Высказывания теоретической схемы описывают основные элементы этой системы, их корреляцию, а также процесс развития в самых общих чертах. Блестящим образом теоре-

³² См.: Уйбо А. С. Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого. — *Философские науки*, 1982, № 1, с. 26—35; Уйбо А. С. Информационный подход к типологии исторических источников. — *Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды по философии*, 1982, вып. 599, № 23, с. 51—67.

³³ Термины «информация₁» и «информация₂» вводятся как сокращения и не несут дополнительной смысловой нагрузки. Информация₁ — это везде в тексте структурная информация, а информация₂ — соответственно семантическая (в широком смысле) информация.

³⁴ См.: Стёпин В. С. Становление научной теории (содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). Минск, 1976.

тической схемы является предисловие Маркса к «К критике политической экономии».

Такие схемы, конечно, применяются в историческом исследовании, и именно различия этих схем вызывают разногласия среди историков (аналогичным образом обстоит дело и в других науках). Признавая это обстоятельство, новейшие релятивисты тем не менее утверждают, что в отличие от естествознания в истории теоретические схемы не могут быть верифицированы, поскольку якобы не имеют никакого отношения к самой исторической реальности. Действительно, нельзя найти исторический источник, в котором, например, было бы сказано, что в X в. до н. э. общественное бытие определяло общественное сознание.

Однако процесс верификации теоретической схемы и не может быть сведен к поискам такого рода элементарных высказываний или единичных экспериментов. Теоретическая схема, представляющая собой итог, философское обобщение всего богатства знаний, накопленных в социальной памяти, может быть верифицирована только в ходе многочисленных исследований всей человеческой истории, а также современности. При этом в процессе верификации участвуют не только исторические науки, но и политэкономия, конкретная социология, социальная психология и т. п., а также сама социально-историческая практика. И только на основе всей этой совокупности исследований можно судить об истинности теоретической схемы. Поэтому утверждения релятивистов об априорном характере теоретических схем несостоятельны: будучи априорной по отношению к отдельному исследованию, теоретическая схема апостериорна по отношению к совокупной исследовательской деятельности, возникает как обобщение практики и на практике доказывается.

В целом можно отметить, что мы не находим принципиальных различий между объективностью познания в истории и в других науках. Трудности, характерные для решения проблемы объективности в исторических науках, вызваны совсем другим обстоятельством и коренятся в самой природе информационных процессов.

Один из общих принципов теории информации гласит, что в процессе передачи количества информации₁ не может спонтанно возрастать. На практике это означает, что любая трансляция приводит к уменьшению количества информации₁, содержащейся в сообщении. Дело в том, что количество информации₁ зависит от способности системы пребывать в определенном состоянии, а данная способность весьма ограничена. Любая система со сложной структурой развивается в сторону наиболее вероятной структуры, т. е. в сторону возрастания энтропии. С течением времени структура любого объекта разрушается, что, естественно, приводит к уменьшению количества информации₁, заключенной в этом объекте. В общем виде роль временного фактора четко охарактеризовал У. Эшби: «...чем больше прошло времени между отправкой и получением, тем меньше способность системы передавать информацию...»³⁵.

Таким образом, существует объективная тенденция к уменьшению количества информации₁ с течением времени. Однако одно дело — количество информации₁, которую можно извлекать из данного объекта, и совсем другое — какая ее часть будет использована. Количество извлекаемой из объекта информации зависит от двух факторов: от структуры объекта и от возможностей ее восприятия, извлечения. Следовательно, существует два пути, ведущие к увеличению количества информации и при возрастании энтропии в самих объектах. Во-первых,

³⁵ Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959, с. 194.

применение технических средств с более высокой разрешающей способностью позволяет декодировать больше информации, заключенной в исторических источниках. Например, развитие атомной физики привело к созданию приборов, чувствительных к радиоизотопам, что позволило создать новые методы абсолютного датирования; применение микроскопа для исследования износа зубов первобытных людей позволило определить состав их пищи и т. д. Короче говоря, чем совершеннее технические средства познания, тем большее количество информации₁ (т. е. структурной информации) становится доступным с их помощью. Во-вторых, увеличение количества информации₂ возможно в результате изменения самого приемника, т. е. тезауруса. Иначе говоря, чем богаче наши знания о мире, тем больше информации₂ мы можем извлечь из одних и тех же объектов-носителей. Для истории это означает, что ценность информации зависит также от теоретической схемы, используемой историком: чем точнее она отражает объективные свойства самой исторической реальности, тем больше информации₂ может быть получено из одних и тех же исторических источников. Поэтому можно отметить существование другой объективной тенденции, ведущей к увеличению количества информации₂ (т. е. семантической информации) о прошлом.

Общий результат взаимодействия этих двух противоречивых тенденций может быть сформулирован следующим образом: хотя структурность объектов со временем уменьшается, количество информации о прошлом может в определенном отношении возрасти, если используются более точные средства извлечения информации. Преодолеть трудности, связанные с увеличением энтропии одной системы (исторические источники), позволяет рост организованности другой системы (технические и концептуальные средства познания). Следовательно, сама природа информационных процессов также не является непреодолимым препятствием для познания прошлого.

Таким образом, объективность исторического познания, как и любого другого, в конечном счете зависит от уровня развития материальной практики человечества. Связь с этой практикой осуществляется посредством технических и концептуальных средств познания.

Существенное влияние, оказываемое теоретической схемой на результаты исторического познания, определяет и важную роль принципа партийности в исторической науке. Объективно любая общественная теория служит интересам тех или иных классов и социальных групп, поэтому при ее оценке необходимо прежде всего установить, каковы эти интересы. И здесь оказывается, что классовый интерес может как совпадать, так и не совпадать с требованием объективного исследования механизмов общественного развития. Принцип партийности, согласно которому необходимо «...при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³⁶, и означает, что нужно разделять точку зрения той общественной группы, которая в данный конкретный период заинтересована в объективном познании законов общественного развития. А такой группой всегда был класс прогрессивный. В свое время им была буржуазия, однако затем ее классовый интерес оказался направлен уже не на объективное познание, а на теоретическое обоснование собственного господства, на доказательство вечности капиталистического строя. Тем самым в современных условиях классовые интересы буржуазии препятствуют объективному познанию общественных явлений.

Революционным классом современности, стремящимся к преобразо-

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 419.

ванию мира, является пролетариат, классовые интересы которого совпадают с исторической тенденцией общественного развития и который поэтому заинтересован в объективном познании общества. Следует отметить, что в отличие от других классов пролетариат отнюдь не стремится к увековечиванию своего господства; напротив, его цель — создание бесклассового общества, т. е. ликвидация самого себя как класса. Поэтому классовый интерес пролетариата, находящегося уже у власти, неизменно ориентирован на объективное познание. Отсюда следует, что именно марксизм как идеология рабочего класса является одновременно и объективной общественной теорией. Недаром на XXVI съезде КПСС отмечалось: «Коммунисты, вооруженные учением марксизма-ленинизма, глубже всех и правильнее всех видят суть и перспективу происходящих в мире процессов, делают из этого верные выводы для своей борьбы за интересы рабочего класса...»³⁷.

Таким образом, принцип партийности дает исследователю дополнительный критерий оценки объективности исторических реконструкций: при прочих равных условиях более объективна реконструкция, построенная при помощи той теоретической схемы, которая соответствует интересам прогрессивного класса. В современную эпоху такой теоретической схемой является материалистическое понимание истории. Исторический релятивизм же во всех своих вариантах фактически слугит классовым интересам буржуазии.

³⁷ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 18.

Представил Я. Ребане

Тартуский государственный университет

Поступила в редакцию
28/XII 1981

A. UIBO

AJALOOLISE RELATIVISMI EVOLUTSIOON

Ajalooline relativism on filosoofiline doktriin, mis kinnitab, et ajalugu on tunnetamatu. Selle doktriini arengus võib eristada kolme etappi, kuid vaatamata välistele erinevustele tuginevad kõik ajaloolise relativismi vormid empiristliku objektiivsuse kriteeriumile, mille järgi objektiivsuseks peetakse seda, mis on vahetult meeleliselt antud.

Artiklis on relativistide väidetele vastandatud ajalootunnetuse objektiivsuse probleemi analüüs dialektilis-materialistliku peegeldusteooria positsioonidelt. Seejuures on kasutatud informatsioonilist käsitlust, mille aluseks on J. Rebase poolt arendatav sotsiaalse mälu printsiip.

Tartu Riiklik Ülikool

Toimetusse saanud
28. XII 1981

A. UIBO

THE EVOLUTION OF HISTORICAL RELATIVISM

Historical relativism is a philosophical doctrine proclaiming that human historical past cannot be known. There are three phases in the development of this doctrine. In spite of external differences, however, all forms of historical relativism are based on empiricist criterion of objectivity as a direct sense datum.

In the article the analysis of the problem of objectivity of historical cognition from the viewpoint of dialectic-materialist theory of active reflection is opposed to the claims of relativists.

In the present analysis the information approach is used which is based on the principle of social memory elaborated by J. Rebane.

Tartu State University

Received
Dec. 28, 1981